

Новиков Александр

Башня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н73

Н73 **Новиков Александр**
Башня / Новиков Александр – М.: Книга по Требованию, 2012. – 198 с.

ISBN 978-5-4241-1373-4

ISBN 978-5-4241-1373-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Александр Новиков
Башня

Пролог

Четырехсотметровая колонна из голубого, как газовое пламя, стекла, сверкала под лучами майского солнца. Ее было видно за десятки километров от города. В любую погоду. Днем, ночью и в сумерки. Полковник подумал, что она вполне могла бы служить маяком для приходящих в город судов, но в эпоху спутниковой навигации маяки сделались не нужны.

К комплексу «Промгаз-сити» Полковника привез его телохранитель, Зоран. Он был категорически против, чтобы Полковник посещал Башню, – опасно. Но Полковник настоял. Он сказал: так надо, друже Зоран, – и Зоран понял: так надо. Серб подвез Полковника к комплексу «Промгаза» и уехал, а Полковник остался. Он немного прогулялся по набережной, выкурил сигарету напротив «Авроры» и двинулся к входу для экскурсантов. Экскурсия на Башню стоила почти триста евро. Поэтому желающих было немного. Тем не менее билет нужно было заказывать за день. Полковник справедливо полагал, что это условие – предварительный заказ – выдвинуто службой безопасности «Промгаза» с целью проверки экскурсантов. Разумеется, формальной, по учетам «гестапо».

В холле у него проверили паспорт, после чего предложили сдать в камеру хранения все имеющиеся у него электронные устройства: телефоны, компьютеры, фото- и видеотехнику, часы. Он знал, что так и будет, но для виду повозмущался: телефон, мол, черт с ним, но фотоаппарат!.. Сотрудница СБ объяснила ему, что таковы требования безопасности и что национальная корпорация «Промгаз» дарит каждому экскурсанту разовую фотокамеру, которая позволит сделать пятьдесят шесть полноценных снимков, а кроме того во время экскурсии группу будет сопровождать профессиональный фотограф, у которого можно заказать высокохудожественный фотопортрет на фоне панорамы города. Это входит в стоимость билета. Полковник пробурчал: о'кей, – и выложил из карманов всю электронную «требуху».

Потом ему предложили пройти через рамку универсального детектора. При этом детектор тревожно запищал. Сотрудницы СБ предложили Полковнику еще раз проверить свои карманы... Он возмущился, но карманы проверил. Нашел собачий маячок.

– Тьфу, блин, – сказал Полковник, – забыл я про него.

– Его тоже придется сдать в камеру хранения.

– Да это же совсем пустяк.

– Придется сдать.

– Да вы что – охренели? Это ж собаке на ошейник...

– Таковы требования. Вопросам обеспечения безопасности в нашей корпорации уделяется первостепенное значение.

– Тьфу!

В сопровождении сотрудницы СБ Полковник вернулся в камеру хранения, сдал маячок. Потом его сфотографировали и через минуту выдали бейджик – металлический, красного цвета, с его фотографией и словом «Экскурсант». После этого Полковника провели в накопитель, где уже толпились два десятка человек с такими же бейджиками. Спустил еще семь минут, когда подтянулись остальные экскурсанты, появилась экскурсовод – тощая дама со злым лицом. Неестествен-

но улыбнувшись, она сказала:

– Господа, мы начинаем нашу экскурсию.

Под присмотром двух секьюрити наконец-то проследовали на территорию комплекса. До Башни было около трехсот метров – их проехали по движущейся в стеклянном туннеле ленте. Играла бравурная музыка, экскурсанты озирались. У подножия Башни стоял лифт – если уместно назвать лифтом двухэтажное сооружение, внешне напоминающее ограненный драгоценный камень. Они вошли внутрь, экскурсовод нажала на кнопку небольшого пульта, дверь бесшумно закрылась.

– Итак, господа, сейчас мы начнем подъем на самый высокий небоскреб Европы.

Экскурсовод нажала на другую кнопку, лифт плавно двинулся вверх. В первый момент показалось, что это земля поехала вниз. Кто-то сказал: ах! На дисплее с эмблемой «Промгаза» стали меняться цифры. В одном окошке показывали метры, в другом этажи.

– Наш подъем будет происходить по наружной стене небоскреба – по спирали, закрученной по часовой стрелке. При подъеме по специально проложенным путям лифт совершает полный оборот вокруг здания, который завершается на высоте триста девяносто шесть метров, то есть на крыше. Однако мы с вами на крышу не поднимемся. Наш подъем завершится на шестьдесят девятом этаже, то есть на отметке триста три метра.

Чей-то недовольный голос произнес: мы за что бабло платим? Экскурсовод не ответила, лифт поднимался.

– Сейчас мы находимся в салоне лифта «Диамант», построенного компанией «Лерч энд Бэйтс» по заказу национальной корпорации «Промгаз». Таких лифтов на нашем небоскребе два. Эти лифты уникальны. Стоимость каждого составляет два миллиона евро. Лифты движутся каждый по своему пути – в противофазе. Каждый из них обладает оригинальным интерьером и, как корабль, имеет собственное имя. Мы с вами поднимаемся на «Голубом диаманте». Каждый из лифтов вмещает на двух своих уровнях до сорока человек – двадцать восемь на первом и двенадцать на втором, ВИП-уровне.

Тот же недовольный голос спросил: там, наверно, золотые унитазы? Экскурсовод снова проигнорировала.

– Лифты герметичны, оборудованы автономными системами жизнеобеспечения. Керамические колодки экстренного торможения управляются собственным интеллектом. При любой нештатной ситуации, вероятность которой, впрочем, равна нулю, лифт доставит своих пассажиров по назначению – вверх, вниз или на любую из трех промежуточных станций.

«Голубой диамант» успел подняться уже метров на двадцать – выше верхушек деревьев, которые в изобилии были высажены на территории комплекса, и выше мачт «Авроры».

– Спиральный рельсовый путь, по которому движется «Голубой диамант», тоже уникален. Поскольку он расположен снаружи здания, то, естественно, подвергается воздействию внешних факторов. В первую очередь речь идет о перепадах температуры, которые могут вызвать изменения точнейшей геометрии пути. Компьютерная система круглосуточно отслеживает эти явления и корректирует их посредством гидравлических демпферов. Стоимость двух спиральных

путей составляет более четырех миллионов евро. На шестьдесят девятый этаж лифт поднимет вас за пять минут. Это сделано для того, чтобы вы, господа, могли в полной мере насладиться красотой открывающихся видов. Время подъема на крышу небоскреба составляет около семи минут.

Лифт поднялся уже на пятьдесят метров. Отсюда открывался изумительный вид – внизу лежали тысячи крыш, ярко блестела Нева. По второму ярусу моста Петра Великого потоком текли машины.

– Высота главного здания комплекса «Промгаз-сити» составляет, как я уже говорила, триста девяносто шесть метров, на которых разместились девяносто этажей. На самом деле этажей несколько больше, так как сложная конструкция небоскреба включает и так называемые технические этажи. Они служат для размещения инженерного, противопожарного, лифтового и прочего оборудования. Ведь для сооружений такого масштаба требуется очень солидное и очень дорогое техническое обеспечение. Например, единая противопожарная система нашего небоскреба стоит более восьмидесяти миллионов евро, а ее ежемесячное обслуживание обходится в миллион евро. Но национальная корпорация «Промгаз» никогда не сэкономила на безопасности.

В десяти метрах от кабины лифта медленно пролетел маленький, размером с журавля самолетик. Экскурсанты загалдели: птичка, глазастая птичка! Как будто услышав их, слегка повернулась телекамера в подбрюшье самолетика. Экскурсовод сказала:

– Вот, кстати, наглядное подтверждение моих слов: в арсенале средств, обеспечивающих безопасность Башни, имеется даже своя авиация. Она включает в себя беспилотные разведывательные аппараты типа «Скаут» – один из них вы только что видели – и аппараты типа «Джедай».

– А это еще что такое? – спросил недовольный.

– Это беспилотный вертолет. Террористы называют его «Карлсон с пулеметом».

Полковник криво улыбнулся – он сам побывал под огнем «Джедая». А недовольный господин уважительно произнес:

– А-а!

– Кстати, господа. Стоимость одного «Скаута» составляет восемьдесят тысяч евро, а «Джедай» стоит более ста пятидесяти тысяч.

Дисплей показывал, что «Голубой диамант» поднялся уже на высоту восьмидесяти метров. И довернулся примерно на пятую часть окружности. Теперь Нева была видна вплоть до Финского залива, да и сам залив уже просвечивал между высотками Васильевского острова. Над северной частью города было дымно – горели брошенные многоэтажки. Экскурсанты слушали экскурсовода плохо. Они гомонили: а вон смотри!.. А вон там – видишь?!

– Кроме двух наружных панорамных лифтов, на одном из которых мы сейчас поднимаемся, в нашем здании есть еще пятьдесят четыре лифта. Два из них – сверхскоростные. На верхний этаж здания они доставят своих пассажиров всего за сорок секунд. При этом до скорости шестнадцать метров в секунду эти суперлифты разгоняются всего за десять секунд. А вот скорость спуска значительно ниже, около десяти метров в секунду – на более высоких скоростях у пассажиров возникают неприятные ощущения в ушах. В двух лифтах, о которых я рассказывала, есть только две кнопки – «Земля» и «Небо». Промежуточных остановок они

не делают. Кстати, стоимость этих лифтов более трехсот тысяч евро за каждого. Разумеется, они предназначены только для руководства корпорации... Что же касается остальных пятидесяти двух лифтов, то они выполняют более скромные задачи. Часть из них «подбрасывает» сотрудников и посетителей до тридцать шестого этажа, где можно пересесть на лифт, следующий выше. Кроме того, есть несколько лифтов технического назначения...

Движение лифта вдруг замедлилось. Это стало заметно не сразу – «Голубой диамант» двигался очень плавно... Движение замедлилось, и дама-экскурсовод посмотрела на дисплей с указателем высоты. Полковник тоже повернул голову. Увидел, что лифт находится на высоте сто восемнадцать метров.

– Господа, – сказала экскурсовод, – прошу минутку внимания, господа.

Господа замолчали. Лифт проехал еще метра три и остановился. Одна из женщин-экскурсанток спросила:

– Почему мы остановились?

Женщина была уже немолода, лет сорока с хвостиком, но одета модно – в стиле «путана». В ее голосе прозвучали истерические нотки.

– Это плановая остановка, – хладнокровно ответила экскурсовод. – Я прошу вас обратить внимание на выσοмер. Он показывает высоту сто двадцать два с половиной метра... Кто-нибудь знает, что это за высота?

Никто, разумеется, не знал.

– Сто двадцать два с половиной метра – высота собора Петропавловской крепости. Совсем недавно это была самая высокая точка Санкт-Петербурга!.. Еще совсем недавно. А теперь? Я прошу обратить внимание, господа, что высота этого собора менее одной трети высоты нашей Башни! Менее одной трети... Менее одной трети, господа.

Она осмотрела стайку экскурсантов взглядом победительницы.

– А где этот типа собор? – спросил кто-то. Видимо, из приезжих. Экскурсовод показала, где стоит «типа собор» и нажала кнопку. «Голубой диамант» поехал дальше. То есть выше.

Лифт поднялся на шестьдесят девятый этаж. На высоту более трехсот метров. Там была березовая роща и речка, щебетали птицы. Полковник уже видел эту рощу. На экране телевизора. Тогда она была наполнена «избранными». Полковник вспомнил и слова Ворона: все суки собрались... Эх, накрыть бы весь гадючник одним ударом. Именно эта фраза Ворона и послужила толчком ко всем последующим событиям.

Группу провели на обзорную галерею, к телескопам.

– В вашем распоряжении, господа, сорок минут. Сейчас вы сможете ощутить себя Гулливером в стране лилипутов.

Господа бросились к телескопам. Им не терпелось ощутить себя Гулливерами. В стране лилипутов.

Полковник не спешил. Он прошелся по галерее. Вид действительно открывался фантастический. Внизу лежал огромный город, освещенный ярким солнцем. Город был разрезан на части широкой рекой, прорезан многочисленными речками и каналами. По их водам скользили крошечные кораблики, над ними повисли мосты. По набережным и широким проспектам бежали игрушечные автомобильчики... Страна лилипутов?

Полковник подошел к свободному телескопу, склонился над прибором. Экс-

курсант, который пользовался телескопом до Полковника, тоже, видимо, хотел ощутить себя Гулливером – он разглядывал Ангела, венчающего шпиль Петропавловского собора. Поэтому и Полковник первым делом увидел Ангела. Ангел летел в небесной глубине и нес в руке крест. Полковник долго рассматривал Ангела, потом переключился на город. Даже при беглом осмотре в глаза бросались два обстоятельства: большое количество сгоревших зданий на северных окраинах и сильно сократившееся количество зеленых пятен. Полковник подумал, что если бы экскурсию проводили ночью, то перемены были бы еще наглядней – практически темный город с «пяточком» ярко освещенного центра.

Полковник вздохнул и перевел телескоп дальше – на запад, на залив. Вода в Финском заливе была серого, зеленого и синего цветов. Полковник хорошо видел дамбу и Кронштадт. Над Кронштадтом висела туча, из тучи шел дождь. Электронно-оптический телескоп с двухсоткратным увеличением даже на таком расстоянии позволял рассмотреть многие детали.

Полковник перевел взгляд еще дальше, за дамбу. По фарватеру двигались суда. Везли лес, сталь, удобрения.

Изредка мелькали паруса. На воде были рассыпаны старые форты. Полковник пошарил «глазом» и нашел то, что искал, – три стоящие рядом баржи. Эти баржи стояли на якоре и были причалены друг к другу. Полковник прочитал надпись на борту одной из барж: «Не подходить – работают водолазы». Баржи выглядели заброшенными, безлюдными, но Полковник точно знал, что это не так – на баржах находится один из многочисленных филиалов Federal Bureau of Prisons.¹ Именно ради «визита» на эти баржи Полковник срочно создавал группу «Нерпа».

– До конца обзорной части экскурсии осталось пять минут, – произнесла экскурсовод за спиной Полковника. Полковник без сожаления оторвался от телескопа – все, что он увидел с помощью электронно-оптического «глаза», было, разумеется, красиво... но это была красота декорации.

Полковник осмотрелся: экскурсовод, скучающая охрана – двое тех, что поднимались с ними на лифте, и трое, что обслуживали этаж, всего пятеро – и экскурсанты числом двадцать пять человек... А что, если заказать коллективную экскурсию? Корпоративную? От корпорации «Гёзы». Двадцать пять бойцов – сила. Двадцать пять бойцов могут запросто нейтрализовать охрану на этаже и...

– Время, господа, истекло, – произнес голос экскурсовода. – Пора спуститься с небес на землю.

Верно, подумал Полковник, пора спуститься на землю... Пока спускались, набежала тучка, начался дождь. Крупные капли змеились по стеклу «Голубого диаманта», срывались и улетали, как маленькие авиабомбы.

На земле Полковник получил свою электронику и покинул территорию комплекса национальной корпорации «Промгаз». Спустя десять минут он уже ехал в скромном «Форд-фьюжн», за рулем которого сидел Зоран.

– Долюе² лучше, Павел, – сказал серб.

– Лучше, – согласился Полковник.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Садилось солнце, и тени сделались длинные-длинные. Иван и Герман Петрович сидели на скамейке под навесом у двери караулки. Между ними лежал дворянский щенок по имени Жилец, сонно щурился. Синее апрельское небо было чистым и прозрачным. Но с севера надвигалась плотная темная туча. Петрович посмотрел на тучу и сказал:

– Ага! Снеговая туча-то. Снегу, блин немазанный, подкинет неслабо.

– Да ну, – отозвался Иван, – с какого такого перепугу?

– А вот увидишь, – бросил Петрович. Он поправил наброшенный на плечи бушлат, тщательно затушил окуроч. Потом швырнул его в «пепельницу» – старое смятое ведро без дужки – и ушел в караулку. Иван остался сидеть на улице. Он посмотрел на тучу и подумал, что она приближается.

Когда почти стемнело, действительно пошел снег. Иван включил прожектора, освещающие территорию и периметр. В ярком свете прожекторов снежинки – крупные, как тополиный пух, – опускались медленно и бесшумно. Сначала снежинки падали редко, потом снег пошел гуще. А потом повалил так, что ничего, кроме вертикально падающего снега, не было видно. Показалось, что вернулась зима.

– Вот, – сказал Петрович, – видишь?

– Вижу, – ответил Иван. Оба – Иван и Петрович – накинули бушлаты и вышли на улицу. За ними вышел и Жилец. Снег шел так густо, что свет прожекторов уязал в нем. Щенок тревожно повизгивал и жался к ногам Ивана.

Снегопад длился всего полчаса. Потом резко прекратился. В прозрачном воздухе стали видны огни города и свет автомобильных фар на кольцевой.

Ночь прошла. Без пятнадцати шесть пропел зуммер: пора на обход. Была очередь Петровича, но в последний обход всегда ходил Иван. Впрочем, сам Иван избегал слова «последний». Говорил: «крайний». Он надел бушлат, сунул в нагрудный карман рацию, натянул вязаную шапочку.

– Пойду, – сказал он напарнику, – прогуляюсь.

– Валяй, – буркнул Петрович. Он дремал за столом перед блоком мониторов видеоконтроля. В мертвенном отсвете мониторов его лицо выглядело серым, как будто припорошенным пылью, и старым. Да он и был уже немолод. Иван не знал, сколько лет напарнику, но предполагал, что уже изрядно за пятьдесят. И это казалось странным: на хрена, спрашивается, держать в охране старого мужика с проблемой, когда молодые и здоровые в очередь стоят? Может, у Петровича блат какой есть?.. В паре с Петровичем Иван работал уже два месяца, но почти ничего про напарника не знал. Да, в общем-то, и не хотел знать.

– Валяй, – буркнул Петрович, – прогуляйся. Иван взял из стойки карабин, повесил его на плечо и вышел из караулки. За ним потянулся проснувшийся Жилец, но Иван его не взял, захлопнул дверь прямо перед носом щенка. Жилец тонко, обиженно тявкнул.

Иван остановился на крыльчке, сделал глубокий вдох. Холодный и сырой ночной воздух наполнил легкие. Воздух пах весной, талым снегом и – слегка – пропаном. Иван сделал шаг с крыльца, ощутил под ногой мягкую податливость снега. Подумал: апрельский снег... Слепить снеговика, что ли? А что? Взять и

слепить снеговика – как в детстве.

Он нагнулся, зачерпнул пригоршню снега – тяжелого, сырого. Иван стиснул снег в ладонях, слепил снежок и бросил вверх. Снежок сверкнул белым боком в луче прожектора и улетел в темное небо.

Иван дошел до ворот и повернул направо, двинулся вдоль колючки, по часовой стрелке. Он шагал по своим следам, оставленным в предыдущий обход. Слева от него тянулась натянутая на столбы колючка, за ней три метра пространства и бетонная стена высотой два с половиной метра. Между колючкой и стеной лежал нетронутый снег. Иван подумал: практически идеальная КСП.

Колючка блестела в свете прожекторов, гудели насосы. Иван шел ступая в следы, уже наполовину затопленные талой водой. Через три минуты он дошел до угла, повернул на восточную сторону периметра, поднялся на мостик, накрывающий трубу, и сразу увидел Башню. Города и кольцевой видно не было – их скрывал туман. А Башня была видна... казалось, что она растет из тумана, как магический кристалл в реторте алхимика, – недавно Иван видел по телевизору какую-то мистическую дребедень. Так там как раз такую фигню показывали – алхимик или, может быть, колдун, вырастил из магического тумана кристалл, носитель Зла...

Иван стоял и смотрел на Башню. Башня, ярко освещенная, уходила в черное небо, вздымалась, вздымалась. Она протыкала небо стеклянным пальцем, грозила ему... Сзади раздался вдруг резкий звук – громкий скользящий шорох. Иван стремительно обернулся – оказалось, с крыши насосной съехал огромный пласт подтаявшего снега.

Как только Иван вошел в караулку, щенок бросился ему в ноги, завилал хвостом.

– Что так долго? – спросил Петрович. Его голос прозвучал резко, энергично.

Иван снял карабин, поставил его в стойку и повернулся к напарнику. Сразу заметил: глаза у Петровича блестят.

– Что так долго? – повторил Петрович.

– Петрович! – произнес Иван. – Как же так, Герман Петрович?

– А что такое?

– Петрович, мы же договаривались.

– И что теперь? – спросил Петрович с вызовом в голосе. – Заложить?

– Мудак ты, – сказал Иван, отвернулся и двинулся в угол караулки, к вешалке.

– Нет, постой, – произнес напарник. – Давай-ка поговорим.

Иван не ответил, начал расстегивать бушлат.

– Морду ворогишь? – произнес Петрович. Иван снова промолчал, а Петрович подошел сзади, схватил за плечо, развернул к себе.

– Ты морду-то не отворачивай, напарник... нехорошо так, напарничек, некрасиво, – говорил Петрович, обдавая Ивана густым алкогольным запахом. – Ты хоть знаешь, почему я пью?

– Не знаю. – Иван стряхнул с плеча руку. – Не знаю и знать не хочу.

– Эх, Ваня! Тебе лет-то сколько?

– Неважно.

– Это, Ваня, важно... это-то как раз очень важно, напарник.

– Тридцать четыре, – сказал Иван нехотя.

– Э-э! Я думал, побольше тебе будет... А ты, оказывается, еще сынок. Я на

пятнадцать годочков тебя постарше.

Вот, значит, как, подумал Иван, ему еще, оказывается, и полтинника нет.

– Сынок! – повторил Петрович. – Тебя, бля, еще жизнь не била.

– Это точно, – буркнул Иван. Подошел щенок, требовательно тявкнул. Петрович спросил:

– Вот скажи: ты под проституцию попал?

– Нет.

– Во! А я попал... понял?

– Да.

– Во! Приехала, понимаешь, соплюшка какая-то из Голландии, правнучка хозяина, и все – аллез капут! В два месяца чтоб с вещичками на выход... Понимаешь?

– Да, – произнес Иван.

– Да хер ты чего понимаешь. Сытый голодного не разумеет... Слушай, а дети-то есть у тебя?

– Нет.

– То-то! А у меня сыну, понимаешь, двадцать один год.

– Это повод, чтобы пить на службе?

– Мудак! – сказал Петрович. Он отошел в сторону, опустился на стул. Повторил негромко: – Мудак... Забрали моего Сашку неделю назад.

– Как забрали? – спросил Иван.

– Как-как? Обыкновенно. Пришли утречком и забрали, – глухо произнес Петрович и скривился, как от зубной боли. Ивану показалось, что Петрович весь как-то сморщился, усох.

– Что натворил-то? – спросил Иван.

– Что натворил? Ничего он не натворил... Ничего! С нищими он.

– Вот оно что, – сказал Иван. – Понятно... Нашел приключений на свою жопу.

Петрович вдруг вскочил, схватил Ивана за ворот. Лицо его оказалось перед лицом Ивана и глаза – красные от лопнувших сосудов, совсем рядом.

– Ты! – почти выкрикнул Петрович. – Ты что же говоришь такое, урод? Он – пацан совсем. И – в тюрьме... А ты? Ты же первый должен... Ты же офицер!

– Руки убери, – сказал Иван тихо.

– Ты же, блядь такая... – говорил, брызгая слюной, Петрович.

– Руки! – перебил Иван. – Руки убери!

– Да ты же! – Петрович не слушал Ивана и, кажется, не слышал и себя. – Да ты же, блядь такая, должен...

Иван ударил его в солнечное сплетение – несильно, но Петрович осекся на полуслове, вытаращил глаза и отпустил воротник Ивана. Иван легонько толкнул напарника, и Петрович осел на пол. Затявкали щенок. Он не понимал, что происходит, но интуитивно ощущал, что что-то нехорошее, неправильное.

– Я, – сказал Иван жестко, – никому ничего не должен.

– Сука, – просипел Петрович.

– Я не сука. И никому. Ничего. Не должен. Я все свои долги уже отдал... под Ачхой-Мартаном. Понял, напарник?

– Урод, бля, – просипел Петрович. Он сидел на полу, глотал ртом воздух, смотрел на Ивана снизу вверх – с ненавистью.